

На дальней окраине Лондона, где-то между ночными кошмарами и смутными снами, днем дремлют жнецы. В нашу обитель можно попасть только через катакомбы кладбища Хайгейт, пройдя сквозь ныне не существующую дверь. Ее создали в незапамятные времена, когда в наши края пришли бритты, и Анку пробил дыру в их мир, открыв ворота смерти. Но люди запечатали дверь, надеясь, что погибель к ним не проникнет: сначала деревом, затем камнем, потом скрепленными раствором кирпичами.

К девятнадцатому столетию люди почти забыли о двери и ее значении. Но когда церковные дворы переполнились костями, смертные стали подыскивать новое местечко за окраиной Лондона, чтобы хоронить покойников.

Волею судьбы люди устроили новое кладбище прямо над дверью. Оказывается, смерть притягивает нас помимо нашей воли.

Ни один фонарь не освещал путь через Хайгейт, но я могла отыскать дорогу домой даже в полной темноте.

Еще не успела я войти в главные ворота кладбища, а смерть уже тянула меня. Всех жнецов будто магнитом влекло к праотцу Анку. Как только я ступила на кладбищенскую землю, казалось, под кожей загудел поезд. Кровь быстрее заструилась по венам, пока я отмахивалась от иссушенных морозом ивовых ветвей и низко нависающих крон вязов. Я бежала по скользким дорожкам, а под ногами похрустывал снег.

Спотыкаясь, я пробиралась сквозь неровные ряды обледенелых надгробий, через скопления склепов, пока наконец не дошла до готической арки, ведущей в катакомбы. Притяжение становилось невыносимым, влекло в головокружительном трансе, пока я спускалась по ступеням в хладную тишину сырых кирпичей и темноты. Ни за что бы не прошла лабиринт, если бы не эта неодолимая тяга.

Наконец ладони наткнулись на стену, где ранее была дверь, а сейчас — только отсыревшие кирпичи да вырубленная вверху на арке надпись: «Появившись, Анку не уйдет с пустыми руками». Я стиснула часы в кармане, прижала ладонь к кирпичам, закрыла глаза и повернула время вспять, до начала начал.

Мгновения потекли сквозь золотые и серебряные шестеренки, проникли в мою кровь и через кончики пальцев просочились в стену. Столетия рухнули, раствор отсырел, и кирпичи рассыпались. Один за другим они вывалились из стены и уложились в сухие стопки, снова ожидая начала строительства.

Манипулировать предметами во времени было легко, поскольку я могла черпать их собственную энергию, а не тратить свою. Кирпичи способны лежать веками, прежде чем обратятся в пыль, так что для меня не составляло труда одолжить у них годы, вместо того чтобы расходовать

свои собственные. А затем можно было быстренько вернуть долг, собрав стену обратно.

Я шагнула в открывшийся проем, и притяжение наконец отпустило меня. Вдохнула полной грудью влажный ночной воздух, повернулась и закрыла за собой дверь. Кирпичи вернулись на прежние места, их скрепил мгновенно высохший раствор, и долг времени был погашен.

За порогом простирались бесконечные катакомбы, но занимали их не покойники, а спящие жнецы. Закрепленные на стенах фонари бросали слабые отблески на грязные полы и серые кирпичи. Уже почти настала Последняя жатва, и только запоздавшие с ночной смены собиратели бродили вокруг, мерцая серебристыми плащами в тусклом свете фонарей. Большинство жнецов скрылись до утра в личных покоях.

Я повернула направо и поспешила вглубь квартала. Низкие потолки сменялись высокими арками проемов, и наконец впереди распахнулся зал с гулким мраморным полом и рядами темных деревянных столов. К счастью, перед Последней жатвой в Собрании не толпились очереди.

Я подбежала к первому же столу и почти швырнула флаконы на поднос. Сборщик, молодой жнец, очнулся. Он растерялся от бесцеремонного вторжения, но, когда его взгляд остановился на мне, он нахмурился и выпрямился.

— Рэн Скарборо, — представилась я, толкая поднос к нему поближе.

— Я знаю тебя, — ответил сборщик, поднимая и нарочито медленно откупоривая первый сосуд. Ну конечно, меня все знали.

Молодой жнец зачем-то понюхал флакон, а потом рассмотрел на просвет, проверяя цвет и подлинность содер-

жимого. Сборщики регистрировали все ночные урожаи, а затем отправляли сосуды на обработку, где души наконец-то отпускали в потусторонний мир. Мой визави выбрал одну из трех десятков одинаковых ручек, торчащих в стеклянной банке, постучал ею о стол и вытащил из ящика учетную книгу в кожаном переплете. Положил перед собой, раскрыл скрипучую обложку и начал медленно перелистывать страницы, пока не добрался до чистой.

От нетерпения мне хотелось биться головой о стол.

Времени у меня было в обрез, но миновать Собрание нельзя. Я никогда не отличалась великодушием, особенно если меня зажимали в углу, но оставить души гнить в стеклянных флаконах вместо того, чтобы отпустить к месту вечного упокоения, где бы оно ни было, не рискнула бы. К тому же, если в учетной книге рядом с моим именем останется пустая графа, сборщик непременно лично явится отчитать нерадивую собирательницу. Вот только не хватало, чтобы мое исчезновение обнаружили еще до того, как на меня донесет Айви.

Но когда сборщик откупорил четвертый флакон, поднес к лампе и принялся крутить его десять мучительно долгих секунд, я засомневалась в том, что приняла верное решение.

Колокола Последней жатвы гулко отдались в кирпичных стенах, завибрировали в мраморном полу. В этот смутный час между ночью и днем церковные гримы выходили на поиски жнецов, желая обглодать их кости. Ночные урожаи к этому моменту следовало сдать, а дневные — обработать до Первой жатвы сумрака.

Сборщик со вздохом взял пятый флакон.

— Боюсь, придется отметить, что ты опоздала.

Я непроизвольно сжала зубы.

— Почему?

— Последняя жатва миновала.

Мои пальцы дернулись. Лампа на столе сборщика за- мерцала, вторя моему раздражению, но я медленно и глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться.

— Я пришла до Последней жатвы, — сказала я, стараясь говорить ровно.

— Согласно учетной книге, твой урожай не обрабо- тан, — ответил сборщик, покручивая в левой руке пятый флакон.

Я вздохнула и закрыла глаза. Конечно же, я понимала, что он сейчас делает. Наказав «опоздавшего», жнец заслу- жит похвалу от руководства. Самый легкий способ подняться по карьерной лестнице — поставить на место полукровку. Его непреклонность отметят, репутация сурового и непо- колебимого сборщика укрепитя, а я и пожаловаться не смогу. Даже если взорву лампу и швырну осколки ему в глаза, он не станет обрабатывать сосуды быстрее. Ускорить процесс могло разве что раболепие.

— Прости меня, жнец, — пробормотала я, склонив голову и опустив плечи. Голос звучал робко и испуганно. — Приношу извинения за опоздание.

Сборщик какое-то мгновение пялился на меня, словно удивляясь, что я так быстро сдалась. Но все же он был слиш- ком юным, алчным до власти и не больно пронизательным, поэтому я не очень-то боялась, что мою тактику разгадают. Вполне ожидаемо юнец презрительно усмехнулся, будто был и вправду оскорблен, и начал оценивать пятый флакон.

— Опоздание создает большие неудобства для Собра- ния и обработки, — прокомментировал он занудным то- ном, — хотя где уж полукровке уяснить суть работы про- священного жнеца.

Единственным допустимым ответом на эту провокацию было униженное молчание, поэтому я повесила голову и попыталась принять жалкий вид. Это было несложно, ведь воспоминания о недавних событиях до сих пор выкручивали мое сердце, словно мокрую тряпку, а кожа зудела от нервной чесотки так, что хотелось содрать ее и сбежать, пока меня не поймала Айви. Вместо этого приходилось подавленно торчать перед напыщенным клерком. Я представила себя Высшим жнецом. Вот сейчас дотянусь и впечатаяю физиономию юнца прямо в учетную книгу, разнесу вдребезги совиные очки — пусть знает, как задерживать и оскорблять меня.

Лампа на столе моргнула сильнее, и сборщик отвлекся, чтобы прикрутить ее, прежде чем закончить с последним флаконом. Затем положил все семь сосудов в лоток и нажал кнопку, запуская конвейер, который повез души на обработку. Как только юный жнец поставил напротив моего имени черную отметку, я вскочила и повернулась к выходу.

Пальцы сборщика вцепились в мой рукав, дергая назад.

Я смерила его взглядом, которым можно было расплавить стекло, но он лишь подтянул меня поближе.

— Мы не обсудили наказание, — напомнил юнец.

— Наказание, — повторила я, озираясь, чтобы посчитать, сколько людей заметят, если я сломаю ему шею. Слишком много.

— За твое опоздание, разумеется, — пояснил сборщик, кисло ухмыляясь.

Свет настольной лампы упал на его очки, превращая стекла в две сияющие белые луны.

Стандартной карой за нарушение комендантского часа была ночь у столба, с прикованными руками и ногами,

шею же фиксировали в узком отверстии: чтобы ты мог дышать, но при этом не мог проронить ни слова. Другим жнецам позволялось таскать тебя за волосы, лить на голову медовуху или обзывать тысячами прозвищ, пользуясь твоим бессилием. Но хуже оков и оскорблений были презрительные взгляды и усмешки собирателей, словно идеальные создания рассматривали уродливую зверюшку, не представляя, что у них может быть с ней общего. А еще хуже, если мимо пройдет мой отец под руку с мачехой, делая вид, что не замечает меня.

— Возвращайся к Первой жатве, — приказал сборщик. — Подыщем местечко у двери, где тебя подвесить.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы удержать спокойное выражение лица. В этот момент я должна была сказать: «Да, жнец» — и поклониться, но ему повезло, что я не ударила его кулаком в нос.

Будто почуяв неповиновение, сборщик притянул меня ближе к себе. Его очки попали в тень, открывая хмурый взгляд.

— Следи за выражением лица, — сказал он. — Помни: в будущем мне еще не раз предстоит обрабатывать твои урожаи.

«В будущем», — подумала я.

К счастью, не в моем будущем.

От выброса энергии лампа полыхнула и взорвалась. Осколки усыпали стол, горячие иглы вонзились в руки сборщика, бумаги вспыхнули. Он отпустил меня и принялся судорожно сбивать пламя со стола утыканными стеклом ладонями.

— Да, жнец, — ответила я с низким поклоном, чтобы юнец не заметил моей ехидной ухмылки.

Впрочем, он был слишком занят, бормоча: «Проклятые лампы, стоило оставить газовые светильники».

Я развернулась и побежала к западным катакомбам.

Распахнула дверь в комнатку 857-Вест, заперла ее и остановила время в мире за пределами своей комнаты так долго, как только могла. Во всяком случае, меня хватило на западные катакомбы, так что ни один жнец не мог вломиться, пока я не буду готова улизнуть. Конечно, если Высший жнец станет искать беглянку и почует махинации со временем, это не поможет, но хотя бы позволит выиграть несколько минут.

Сверху между перекладинами кровати свисала рука Нивена. Я хлопнула по ней, выводя брата из заморозки и одновременно пробуждая ото сна.

— Ты что творишь? — спросил он сверху хриплым спросонья голосом.

Между перекладинами выглянул зеленовато-лиловый глаз, второй прятался за прядью светлых волос и подушкой. Нивен не мог спать в темноте, поэтому оставлял зажженными свечи в углах комнаты и в шатком канделябре над головой.

Я махнула рукой, и все свечи вспыхнули вдвое ярче, сменив романтическое оранжевое сияние на ярко-белый стерильный свет. Нивен сдавленно фыркнул, но я уже рылась в сундуке у изножья кровати, разыскивая сумку для побега. Ничего подходящего не нашлось, поэтому я вытащила из шкафа ящики и опрокинула их, рассыпав по всему полу сломанные перья и звездочки оригами.

Наша комната представляла собой мрачную клетушку, сложенную из кирпича и вечно холодную от лежащих сверху глубоких слоев глины и земли. Нивен спал наверху, в окружении сверкающих деталек, шестеренок и стеклышек от разобранных механизмов. Я занимала нижнюю часть комнаты, мой матрас терялся в кипах краденых книг

на одиннадцати языках. В последнее время я увлеклась ботаникой, и на улицах Лондона мне удалось собрать несколько прекрасных ядовитых цветов: болиголов, наперстянку и волчье лыко. Я высушила их и развесила у Нивена на деревянных рейках, потому что жнецов привлекает смерть, а мои растения были одновременно очень смертоносными и очень мертвыми.

Я смела увядшие лепестки, нырнула в свой альков, вытаскала оттуда цветы и сунула в коричневую кожаную сумку.

Нивен свесил голову, разглядывая меня.

— С чего ты решила заняться уборкой в пять утра? — спросил он. — Да еще и время заморозила? Рэн...

— Я ухажу, — ответила я, пытаюсь отыскать в шкафу что-нибудь теплое, помимо блестящего серебряного плаща.

Можно было стянуть одежду какого-нибудь невезучего лондонца, но сначала придется выйти наружу, а сияющий серебряный плащ, мягко говоря, вышел из моды. Я попыталась сосредоточиться на сборах, а не на вопросах Нивена, так как любые слова отдавали безысходностью. А вдруг, если я промолчу, все окажется неправдой?

— Я слышал Последнюю жатву, — заметил Нивен, протирая глаза и спуская ноги сквозь перекладки. — Уже слишком поздно выходить наружу.

— У меня неприятности, — ответила я.

Что-то в моем тоне насторожило Нивена, он выпрямился и потянулся за очками, стаскивая шестеренки. Через мгновение брат взглянул на меня сквозь линзы огромными глазами, в этот момент немного напоминая стрекозу, и полез вниз по лестнице.

— Твои волосы, — хмурясь, произнес он.

Я непроизвольно попыталась ухватить остатки косы. В панике я почти забыла о волосах, надежно спрятанных

под капюшоном, но сейчас мои глаза зашипало от подступающих слез. Часть прядей по-прежнему оставалась длинной, но кусок был острижен до воротничка. Я промчалась мимо Нивена, выдвинула ящик стола, потом второй и третий, роняя винтики и пуговицы. Наконец схватила ножницы и попыталась изогнуться и закинуть руки назад, чтобы закончить начатое.

— Рэн, перестань! — окликнул Нивен, хватая меня за запястье и отбирая ножницы прежде, чем я успела воткнуть их себе в лопатку.

— Я хочу обрезать волосы! — крикнула я, протягивая руку за инструментом.

В фиолетовых глазах Нивена крутился миллион вопросов, но он не стал их задавать.

— Повернись. Я сам.

— Ты никогда никого не стриг, — возразила я.

— А ты не видишь свой затылок.

Я вздохнула и зажмурилась, повернувшись к нему спиной.

Щелканье ножниц, снова и снова кромсающих волосы, было невыносимо. Я старалась не вспоминать, как лежала в снегу. К счастью, Нивен справился быстро.

— Опять Айви?

Я ничего не ответила, повернулась к зеркалу на внутренней стороне дверцы шкафа и попыталась зачесать волосы назад, чтобы замаскировать короткие пряди.

— Рэн, что ты натворила? — спросил Нивен.

Я взглянула на его отражение. Глаза брата сияли холодным лиловым цветом и бесконечным терпением. Я закрыла дверь.

— Я ухожу, — повторила я, сбрасывая серебряный плащ и натягивая черное пальто с капюшоном. — Айви теперь

знает, на что я способна, и за мной скоро придут. Мне нельзя больше оставаться в Англии. Прости.

Слова прозвучали грубо и отрывисто, будто я спорила, но к глазам подступили слезы. Я не могла больше объясняться, иначе так и не успею собрать вещи. Насколько же легче злиться, чем ощущать себя разбитой.

Последнюю сотню лет я грезила сбежать из Англии, но не так — впопыхах. Это должно было произойти среди бела дня, пока Айви спит. Я думала, что соберу сумки и приготовлю поддельные документы. Мечтала о тщательной подготовке, чтобы комар носа не подточил. Но шанс совершить идеальный побег появился и тут же пропал. Я могу исчезнуть прямо сейчас или оставить попытки навсегда.

По крайней мере, первые шаги я продумала. Самое сложное — покинуть пределы Англии, где у жнецов повсюду шпионы и всем известно, как я выгляжу. Быстрее всего сесть на паром до Франции, который отплывает трижды в неделю. Французские жнецы, до сих пор горько переживающие Наполеоновские войны начала века, не обрадуются, если по их земле станут рыскать сотни британских жнецов в поисках беглянки. Выиграю время, и мой след потеряется. А уже оттуда благополучно направлюсь в Японию.

Я рассматривала все фотографии и изображения Японии, какие только могла найти в библиотеке. Сепийные снимки дворцов с покатыми крышами, тысячи узоров кимоно, разрисованные зонтики и бумажные веера.

Мне, не знавшей ничего, кроме Лондона, Япония казалась скорее ярким сном, нежели родиной. И эта страна была единственным местом в мире, где мне могли помочь. Хотя, конечно, возможно, что мама отдала меня отцу, Эмброузу, поскольку не хотела ребенка.

А вдруг папа меня украл? Или мама умерла. Но если она жива, то на вопросы мои ответит, пусть больше ничем и не поможет. Ведь даже бессердечный Эмброуз давал мне еду и кров над головой. Конечно же, мама, от которой я получила только имя, должна снизить по крайней мере до объяснений.

Я ни разу не пыталась сбежать, потому что всякий раз, когда садилась записать план, появлялся Нивен. Он улыбался и тащил меня к себе: показать разобранный телефон, новые самодельные очки или спасенного бельчонка. И в те минуты я забывала Айви и ее дружков, Эмброуза и мачеху Корлисс, — всех, кроме Нивена. Брат рассказывал о новом устройстве или спасенном зверьке, а я в это время думала: жнецы не должны любить, но бросить Нивена очень тяжело, как ни называй мои чувства.

А теперь у меня не было выбора.

— Прости, — повторила я, потому что молчание слишком затянулось, а я не могла даже глаза поднять на брата.

— Ладно, — спокойно ответил Нивен. — Хорошо, мне только надо кое-что собрать.

Я так и застыла, комкая серое платье.

— Нивен, — с трудом выговорила я, — тебе нельзя бежать со мной. Я пришла попроситься.

Но Нивен уже лез обратно. Он оглянулся через плечо, нахмурившись, будто я его сильно обидела, затем схватил сумку и стал запихивать в нее носки.

— Перестань, это просто смешно! — воскликнула я.

Он спрыгнул с лестницы, перебрал шестеренки на столе и смахнул все в саквояж.

— Нивен, — повторила я, отнимая сумку, в карман которой брат пытался запихнуть очередную горсть деталек.

— Эй! Отпусти...

— Нивен! — Я положила руки ему на плечи. — Если ты пойдешь со мной, то никогда не сможешь вернуться.

Решимость в глазах брата померкла. Ведь ему, в отличие от меня, следовало подумать о родителях. Он жил в мире, где мог стать кем-то значимым, особенно если я исчезну.

— Я знаю, — ответил Нивен.

— Ты не сможешь попрощаться с отцом и Корлисс.

— Я знаю, — повторил он, зажмурясь, затем перевел дыхание, распахнул глаза и накрыл ладонью мою кисть, чуть улыбнувшись. — Я не отпущу тебя одну, Рэн.

Брат аккуратно снял мои руки с плеч и возобновил сборы. У меня пропал дар речи, ведь я была недостойна подобной жертвы. Надо постараться уговорить Нивена остаться в Лондоне, в безопасности.

Но я отчаянно боялась уходить одна, меня успокаивал один лишь вид собирающего вещи брата. «Эгоистка», — обругала я себя.

Я надеялась, что Нивен от побега тоже что-то выиграет. Он не был создан для роли собирателя: плакал ночами, жалея собранные души, винил себя, а подобные чувства для жнецов недопустимы.

«В нем недостаточно смерти», — повторял отец.

В детстве он пытался учить Нивена забирать души у белок и кроликов, но тот всякий раз плакал и кричал, пока Эмброуз не сдавался. Корлисс пробовала читать сыну перед сном страшные истории про обезглавленных королей и средневековые пытки — любимые сказки большинства детей жнецов, — но Нивен только всхлипывал и прятался под одеяло.

— Вот почему Анку предупреждал нас, что Высшим жнецам положен единственный ребенок, — шептала Корлисс Эмброузу. — Один из них будет слабаком.

Мы с Нивеном знали все: сидели на моей кровати, прижимаясь ушами к стене и подслушивая.

Но сейчас брат упаковывал ювелирные инструменты и раздумывал, какие взять носки, полный решимости оставить ради меня свой мир. Так что, похоже, Корлисс ошибалась.

Через несколько минут вещи были собраны. Я взяла кое-какую одежду, второй нож и томик стихотворений Теннисона. Мне хотелось забрать с собой все книги, но в конце концов я вытащила из стопок на столе одну наугад и не сильно разочаровалась, увидев на корешке его имя. Он написал стихотворение «Всему суждено умереть», поэтому ничего удивительного, что собирательница полюбила его строки. Но еще Теннисон писал про Одиссея, который покинул дом в поисках лучшей жизни, совсем как я сейчас. «Никогда не поздно искать новый мир», — сказал бы он. Но понятие «поздно» очень относительно, если ты можешь обернуть время вспять. Холодный металл часов, зажатых в потной ладони, напомнил, что я уже слишком задержалась.

Во внутренний карман сумки, куда можно было поместить разве лишь несколько листков бумаги, я засунула фотографии Японии, вырванные из библиотечных книг. Я не призналась Нивену, куда собираюсь бежать, потому что боялась: он откажется от такого далекого и чуждого места. Ведь есть разница между тем, чтобы пересечь Ла-Манш, и поездкой через весь мир. Может, покажу ему картинки, когда мы спрячемся во Франции, и буду надеяться, что брат, как и я, очаруется далекой страной.

— Ладно, — наконец сказал Нивен, заматывая запасные очки в шарф и засовывая сверток в поклажу, — все, кажется, я готов.

Он застегнул саквояж и развернулся к двери, но вдруг замер, широко распахнул глаза и уронил багаж.

— Оливер! — вспомнил Нивен и побежал наверх.

— Оливер?

Нивен откинул покрывало и достал из-под него огромного серого кота.

— Еще один бродяга? — воскликнула я. — Нивен, я же хранила там ядовитые растения!

— Оливер просто спит, — успокоил меня брат, пренебрежительно махнув рукой, сгреб кота под мышку и взял саквояж. — Он очень ленивый.

— И безобразно раскормленный. Полагаю, его мы тоже берем с собой.

— Я не брошу Оливера! — воскликнул Нивен. — Мы же никогда не вернемся.

— Ладно, — вздохнула я. — Но если он шумный, лучше оставь его здесь. Я не собираюсь умирать из-за бродячего кота.

— Он хороший, — ответил Нивен, прижимая к себе вялого бродягу.

Я закатила глаза и перехватила сумку покрепче.

— Готов?

Нивен кивнул. Оливер моргнул.

Я открыла дверь и шагнула в катакомбы.

* * *

Мы спешили по тоннелям, не смея лишний раз вздохнуть. В этот тихий час между сумраком и рассветом расступаются призрачные границы и наружу выходят чудовища. Поэтому почти все жнецы в такое время спят по домам или ждут начала дневной смены. Лишь несколькими Высшим разрешается покидать жилище в сумерках.

Наши шаги отдавались влажными шлепками по каменному полу. Тоннели освещались лишь наполовину, многие фонари не горели: охрана придет зажечь их только через час. Тени бежали по стенам, темные и зыбкие в слабом неверном свете.

Я как раз собиралась свернуть за угол, когда угловатая тень возвестила о том, что в соседнем коридоре кто-то есть. По-видимому, более сильные жнецы одолели мою заморозку времени, иначе как они подобрались так близко?

Я затянула Нивена в нишу и взмахом руки погасила ближайšie фонари, опуская на нас толстое одеяло темноты. Прижав к груди сумку, я толкала коленом саквояж Нивена, пока брат не сообразил и не отодвинул его к стене. Несмотря на все стереотипы о легкомысленных собирательницах, я ограничилась только одеждой и книгой, а вот Нивен попытался прихватить с собой половину комнаты. Теньмы отбрасывали темную и бугристую. Конечно, лучше бы братец взял поменьше вещей, но, с другой стороны, он бросил все ради меня, и я просто не могла запретить ему лишнюю пару носков.

Нивен прижался ко мне; перепуганный стук его сердца, казалось, отдавался прямо в моих костях. Я не могла успокоить брата словами: вдруг услышат другие жнецы, поэтому обнадеживающе пожала ему руку, будто уговаривая: «Все в порядке, нас не найдут». Нивен слотнул и затаил дыхание.

Через мгновение из-за поворота выбежали два жнеца и промчались мимо нас, надежно укрытых одеялом темноты. Нивен облегченно выдохнул и прижался ближе.

Жнецы остановились в дальнем углу коридора прямо напротив нашей комнаты. Подергали ручку, обнаружили, что дверь заперта, после чего один отступил, а второй прижал руку к створке.

Черная краска облупилась с досок, словно старая змеиная кожа. Дерево начало стремительно гнить, приобретая болезненный серо-зеленый оттенок, и распадаться на куски, которые свалились на пол. Не промолвив ни слова, жнецы ворвались в комнату.

Страшно даже представить, что руки собирателей могли сотворить с моей кожей. Точно так же Высшие жнецы были способны украсть и мою жизнь, обернув время против меня и только меня.

Разгневать таких жнецов было очень опасно. Время столь сильно и изменчиво, что лишь некоторые избранные потомки Анку могли вознестись до Высших и научиться управлять временем не как инструментом, а как оружием. Низшие жнецы собирали души, а Высшие поддерживали среди них порядок.

— Они знают, — прошептал Нивен, словно без того было неясно, что Айви вернулась.

Брат наконец осознал реальность побега, и его глаза засветились тошнотворным зеленым оттенком. Теперь дороги назад не было.

Я попыталась придумать что-нибудь утешительное, но в голову не шло ничего, кроме откровенного вранья, а врать Нивену я не любила. Хотелось бы напести, дескать, у меня есть идеальный план, я одолею любого жнеца, который встанет у нас на пути, и защищу брата.

Но сегодня планы провалились. Все, что я могла сделать, все, что я когда-либо умела делать, — это выживать.

— Надо бежать, — шепнула я, сбрасывая покров тьмы и хватая Нивена за руку. Никто из нас не осмелился сказать вслух, что из катакомб есть только один выход.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

